

Преподобный
ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

ЛЕСТВИЦА

ВОЗВОДЯЩАЯ НА НЕБО

Иоанн Лествичник
Лествица, возводящая на небо
Серия «Духовное наследие (Дарь)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828191
Лествица, возводящая на небо: ДАРЬ; Москва; 2013
ISBN 978-5-485-00436-1

Аннотация

На протяжении полутора тысяч лет книга великого подвижника VI века преподобного Иоанна Лествичника является учебником духовной жизни и нравственного совершенствования. 30 ступеней (степеней), составивших книгу, последовательно проводят читателя по лестнице очищения, искоренения страстей, молитвенного делания и любви на пути восхождения к Богу. Хотя «Лествица» была создана для монашествующих, любой христианин, живущий в миру, найдет в ней драгоценную помощь и поддержку.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие книги сей, именуемой. «Скрижали духовные»	5
Краткое описание жития аввы Иоанна,	7
О том же авве Иоанне,	16
Послание	19
Ответ	21
Подвижнические слова аввы Иоанна,	24
Ступень[12] первая. Об отречении от жития мирского	24
Ступень вторая. О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире	37
Ступень третья. О странничестве, то есть уклонении от мира	42
О сновидениях, бывающих новоначальным	48
Ступень четвертая. О блаженном и приснопамятном послушании	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**преподобный
Иоанн Лествичник
Лествица,
возводящая на небо**

© Издательство «ДАРЪ», 2005

Предисловие книги сей, именуемой. «Скрижали духовные»

Всем, поспевающим написать имена свои в книге жизни на небесах, настоящая книга показывает превосходнейший путь. Шествуя этим путем, увидим, что она непогрешительно руководит последующих ее указаниям, сохраняет их неуязвленными от всякого претыкания и представляет нам лестницу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви. Таковую, думаю, лестницу видел и Иаков, запинатель страстей, когда покоился на подвижническом ложе. Но взойдем, умоляю вас, с усердием и верою на сей умственный и небошественный восход, начало которого – отречение от земного, а конец – Бог любви.

Преподобный отец премудро рассудил, устроив для нас восхождение, равночисленное возрасту Господнему по плоти, ибо в возрасте тридцати лет Господнего совершеннолетия гадательно изобразил лестницу, состоящую из тридцати степеней духовного совершенства, по которой, достигнув полноты возраста Господня, мы явимся поистине праведными и непреклонными к падению. А кто не достиг сей меры возраста, тот еще младенец и по точному свидетельству сердца окажется несовершенным. Мы признали за нужное

прежде всего поместить в этой книге житие (преподобного) премудрого отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнее поверили его учению.

**Краткое описание
жития аввы Иоанна,
изумена святой горы Синайской,
прозванного схоластиком¹, поистине
святого отца, составленное
монахом Раифским Даниилом,
мужем честным и добродетельным**

Не могу сказать с достоверной точностью, в каком достопамятном граде родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани, а какой град ныне покоит и нетленной пищей питает сего дивного – это мне известно. Он пребывает ныне в том граде, о котором говорит велегласный Павел, взывая: *наше же житительство – на небесах* (Флп. 3, 20); невещественным чувством насыщается он блага, которым невозможно насытиться, и наслаждается невидимой добротой, духовно утешается духовным², получив воздаяния достойные подвигов и почесть за труды, не трудно понесен-

---

¹ Схоластиками в древности назывались риторы, законоведы или вообще люди ученые. – *Здесь и далее примеч. ред.*

² В славянском переводе: «умом единым радуясь о Уме мысленно созерцаемом».

ные, – тамошнее наследие; и навсегда соединившись с теми, нога которых *стоит на правом пути* (Пс. 25, 12). Но как сей вещественный достиг невещественных сил и совокупился с ними, это я постараюсь изъяснить по возможности.

Будучи шестнадцати лет телесным возрастом, совершенством же разума тысячелетен, этот блаженный принес себя самого, как некую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архиерею и телом взошел на Синайскую, а душой – на небесную гору с тем, думаю, намерением, чтобы от видимого того места иметь пользу и лучшее наставление к достижению невидимого. Итак, отсекив бесчестную дерзость отшельничеством, этой обладательницей наших мысленных отроковиц³, восприяв же благолепное смиренномудрие, он, при самом вступлении в подвиг, весьма благоразумно отогнал от себя обольстительное самоугодие и самоверие, ибо преклонил свою шею и вверил себя искуснейшему учителю, чтобы при благонадежном его руководстве непогрешительно переплывать бурное море страстей. Умертвив себя таким образом, он имел в себе душу как бы без разума и без воли, совершенно свободную и от естественного свойства. А еще удивительнее то, что, обладая внешней мудростью, он обучался небесной простоте. Дело преславное! Ибо кичливость философии не совмещается со смирением.

Потом, по прошествии девятнадцати лет, предпослав к Небесному Царю своего учителя как молитвенника и заступ-

---

³ Т. е. страстей. См. ступень 10, главу 3.

ника, и сам он исходит на поприще безмолвия, нося *оружия*, *сильные на разрушения твердынь* (2 Кор. 10, 4) – молитвы великого (своего отца), и, избрав место удобное к подвигам уединения, в пяти стадиях⁴ от храма Господня (место это называется Фола), он провел там сорок лет в неослабных подвигах, всегда пылая горячей ревностью и огнем божественным. Но кто может выразить словами и восхвалить сказанием труды его, там понесенные? И как явно представить всякий труд его, который был тайным сеянием? Впрочем, хотя бы через некоторые главные добродетели известимся о духовном богатстве этого блаженного мужа.

Он употреблял все роды пищи, без предосуждения разрешаемые иноческому званию, но вкушал весьма мало, премудро сокрушая и через это, как я думаю, рог кичливости.

Итак, малоядением угнетал он госпожу оную, то есть плоть, многого похотливо желающую, голодом восклицая к ней: «молчи, престань»; тем же, что вкушал от всего понемногу, порабощал он мучительство славолубия, а пустынножитием и удалением от людей утолил он пламень этой (то есть телесной) печи, так что он совсем испепелился и угас совершенно. Милостыней и скудостью во всем необходимом стойкий сей подвижник мужественно избежал идолослужения, то есть сребролюбия (см. Кол. 3, 5), от ежечасной смерти душевной, то есть от уныния и расслабления, восставлял он душу, возбуждая ее памятью телесной смерти, как ост-

---

⁴ Стадия (стадий) – мера длины, равная 192 м.

ном⁵, а сплетение пристрастия и всяких чувственных помыслов разрешил невещественными узами святой печали. Мучительство гнева еще прежде было в нем умерщвлено мечом послушания, неисходным же уединением и всегдашним молчанием умертвил он пиявицу паутинного тщеславия. Что же скажу о той победе, которую тот добрый таинник одержал над восьмой отроковицей⁶. Что скажу о крайнем очищении, которое сей Веселеил послушания начал, а Владыка небесного Иерусалима, придя, совершил Своим присутствием, ибо без этого не может быть побежден диавол с сообразным ему полчищем. Где помещу, в настоящем нашем плетении венца, источник слез его (дарование не во многих обретающееся), которых тайное делателище и до ныне остается, – это небольшая пещера, находящаяся у подошвы некоторой горы. Она настолько отстояла от его келии и от всякого человеческого жилища, насколько нужно было для того, чтобы заградить слух от тщеславия, но к небесам она была близка рыданиями и взываниями, подобными тем, которые обыкновенно испускают пронзаемые мечами и прободаемые разжженным железом или лишаемые очей. Сна принимал он столько, сколько необходимо было, чтобы ум не повредился от бдения, а прежде сна много молился и сочинял книги – это упражнение служило ему единственным средством против уныния. Впрочем, все течение жизни его была

---

⁵ Остен – жало, игла.

⁶ Т. е. гордостью, которая в числе главных восьми страстей есть восьмая.

непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу, ибо день и ночь, воображая Его в светлости чистоты, как в зеркале, он не хотел или, точнее сказать, не мог насытиться.

Некто из монашествующих, именем Моисей, поревновав житию Иоанна, убедительно просил его, чтобы он принял его к себе в ученики и наставил на истинное любомудрие. Подвигнув старцев на ходатайство, Моисей через их просьбы убедил великого мужа принять себя. Некогда авва повелел тому Моисею переносить с одного места на другое землю, которой требовало удобрение гряд для зелий: достигнув указанного места, Моисей без лености исполнил повеление, но так как в полдень настал чрезвычайный зной (а тогда был последний летний месяц), то он уклонился под большой камень, лег и уснул. Господь же, Который ничем не хочет опечалить рабов Своих, по обычаю Своему предупреждает угрожавшее бедствие. Ибо великий старец, сидя в келии и размышляя о себе и о Боге, преклонился в тончайший сон и видит священнолепного мужа, который возбуждал его и, посмеиваясь сну его, говорил: «Иоанн, как ты беспечно спишь, когда Моисей в опасности?» Вскочив немедленно, Иоанн вооружился молитвой за ученика своего, и когда тот вечером возвратился, спрашивал его, не случилась ли с ним какая-нибудь беда или нечаянность. Ученик отвечал: «Огромный камень едва не раздавил меня, когда я спал под ним в полдень, но мне показалось, будто ты зовешь меня, и я вдруг выскочил из того места». Отец же, поистине смирен-

номудрый, ничего из видения не открыл ученику, но тайными воплями и воздыханиями любви восхвалял благого Бога.

Сей преподобный был и образцом добродетелей, и врачом, исцелявшим сокровенные язвы. Некто по имени Исаакий, будучи весьма сильно угнетаем бесом плотской похоти и уже изнемогший духом, поспешил прибегнуть к сему великому и объявил ему свою брань словами, растворенными рыданием. Дивный муж, удивляясь вере его, сказал: «Станем, друг, оба на молитву». И между тем, как молитва их кончилась и страждущий еще лежал, повергшись лицом ниц, Бог исполнил волю раба Своего (см. Пс. 144, 19), дабы оправдать слово Давидово: и змей, мучимый биениями истинной молитвы, убежал. А недужный, увидев, что избавился от недуга, с великим удивлением воссылал благодарение Прославившему и прославленному.

Другие, напротив, подстрекаемые завистью, называли его (преподобного Иоанна) излишне говорливым и пустословом. Но он вразумил их самих делом и показал всем, что *все может в укрепляющем всех Христе* (Флп. 4, 13), ибо молчал в течение целого года, так что порицатели его превратились в просителей и говорили: «Заградили мы источник пристоющей пользы ко вреду общего всех спасения». Иоанн же, чуждый прекословия, послушался и снова начал держаться первого образа жизни.

Потом все, удивляясь преуспеванию его во всех добродетелях, как бы новоявленного Моисея, поневоле возвели

его на игуменство братии, и, возвысив сей светильник на свещник начальства, добрые избиратели не погрешили, ибо Иоанн приблизился к таинственной горе, войдя во мрак, куда не входят непосвященные, и, возводимый по духовным степеням, принял богоначертанное законоположение и видение. Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, изрек слово и из доброго сокровища сердца своего вынес слова добрые (ср. Лк. 6, 45). Он достиг конца видимого жития в наставлении новых израильтян, т. е. иноков, только тем отличаясь от Моисея, что вошел в горный Иерусалим, а Моисей не знаю как, не достиг земного.

Дух Святой говорил его устами. Свидетелями этому служат многие из тех, которые спаслись и донныне спасаются через него. Превосходным свидетелем премудрости сего премудрого и подаваемого им спасения был новый оный Давид⁷. Свидетелем того же был и добрый Иоанн, преподобный наш пастырь (раифский игумен). Он и убедил этого нового боговидца усильными своими просьбами для пользы братии сойти помышлением с Синайской горы и показать нам свои богописанные скрижали, в которых наружно содержится руководство деятельное, а внутренне – созерцательное⁸. Таким описанием покусился я в немногих словах заключить многое, ибо краткость слова имеет красоту и в искусстве витий-

---

⁷ Полагают, что новым Давидом назван здесь вышеупомянутый Исаакий.

⁸ Т. е. в «Лествице» внешние слова поучают деятельности, а внутренний духовный разум наставляет к видению.

⁹ Испытатели церковной древности относят кончину преподобного Иоанна к концу VI или к началу VII века. Что касается до продолжения его жизни, то раифский биограф говорит, что он приступил к поприщу иночества на шестнадцатом году жизни, под руководством аввы Мартирия пребывал девятнадцать лет; по кончине наставника своего в безмолвии провел сорок лет. Итак, игуменом в Синайском монастыре преподобный Иоанн поставлен на семьдесят пятом году жизни. Сколько лет управлял он монастырем и сколько провел во вторичном безмолвии, поставив авву Георгия игуменом в Синае, в точности неизвестно. Некоторые полагают, что преподобный Иоанн скончался лет восьмидесяти или восьмидесяти пяти; в Следованной же Псалтири сказано, что он жил 95 лет. Восточная Церковь совершает память его 30 марта; в тот же день и Западная. О Синайском монастыре известно, что еще в четвертом столетии Синайские горы служили постоянным пребыванием множества пустынников, которых привлекали туда и священные воспоминания о ветхозаветных чудесах и о Моисее и Илии, и безмолвие гор и юдолей, и малонаселенность полуострова. В первые времена у подвижников синайских не было общего монастыря: они жили в келиях, рассеянных по горам и долинам, и только в субботу вечером собирались в храм, построенный, по преданию, царицей Еленой на том месте, где Бог явился пророку Моисею в горящей и негораемой купине. В этом храме пустынники проводили всю ночь в общей молитве, в воскресенье утром причащались Святых Таин и снова расходились по своим келиям. В четвертом и пятом столетиях синайские пустынники неоднократно подвергались нападению сарацин, от которых многие приняли и мученическую кончину. Потому, по вступлении на престол благоверного царя Юстиниана I, синайские отцы, услышав о его благоговении к святым местам, просили его создать им укрепленный монастырь. Юстиниан внял их прошению, и по его повелению у подошвы Синайской горы был воздвигнут Синайский монастырь, который на том же месте существует и донныне. Раифская же обитель, от которой теперь остались одни развалины, находилась в расстоянии двух дней пути от Синая, в весьма живописном заливе Чермного моря¹⁶⁷, по преданию, близ того места, называемого Елимом, где израильтяне во время своего странствования нашли семьдесят пальм и двенадцать источников (см. Исх. 15, 27). И сей монастырь, как и Синайский, был в свое время богат великими подвижниками. По духу подвижничества и по близости расстояния обители сии

имели между собой самую тесную связь и непрерывное общение.

¹⁶⁷ Добльственный – мужественный.

**О том же авве Иоанне,
игумене Синайской горы, то
есть Лествичнике, повествует
один монах Синайский, который
был, как и Даниил Раифский,
современником преподобному Иоанну**

Некогда авва Мартирий пришел с аввой Иоанном к Анастасию Великому, и тот, взглянув на них, говорит авве Мартирию: «Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок и кто постриг его?» Тот отвечал: «Он раб твой, отче, и я постриг его». Анастасий говорит ему: «О, авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского?» И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет Иоанн был сделан нашим игуменом.

В другое время авва Мартирий, также взяв с собой Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку. Авве же Мартирию ног не умывал и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: «Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену».

В день пострижения аввы Иоанна, а он постригся на двадцатом году своей жизни, авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великой звездой.

В тот самый день, когда поставили Иоанна нашим игуменом и когда сошлось к нам около шестисот посетителей и все они сидели, вкушая пищу, Иоанн видел мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который, как некий распорядитель, ходил повсюду и раздавал приказания поварам, экономам, келарям и прочим служителям. Когда те люди разошлись и служители сели за трапезу, искали его, повсюду ходившего и раздававшего приказания, но нигде не нашли. Тогда раб Божий, преподобный отец наш Иоанн, говорит нам: «Оставьте его: господин Моисей ничего не сделал странного, послужив в своем месте».

Некогда в Палестинских странах было бездождие. Авва Иоанн, по прошению тамошних жителей, помолился – и сошел обильный дождь. И нет ничего тут невероятного, ибо *желание боящихся Его исполнит Господь, и молитву их услышит* (Пс. 144, 19).

Надобно знать, что Иоанн Лествичник имел родного брата, чудного авву Георгия, которого он еще при жизни своей поставил в Синае игуменом, сам любя безмолвие, которое и сначала уневестил себе сей премудрый. Когда же этот Моисей, преподобный игумен наш Иоанн, отходил ко Господу, тогда авва Георгий, брат его, стоял перед ним и говорил со слезами: «Итак, ты оставляешь меня и отходишь. Я молил-

ся, чтобы ты проводил меня, ибо я не смогу без тебя, господин мой, руководить эту дружину, но теперь мне должно проводить тебя». Авва Иоанн сказал ему на это: «Не скорби и не заботься: если буду иметь дерзновение ко Господу, то не оставлю тебя провести здесь и один год после меня». Что и сбылось, ибо потом в десятый месяц отошел и он ко Господу¹⁰.

---

¹⁰ В «Луге духовном» Иоанна Мосха (гл. 125) и в Прологе на 17-й день марта предлагается поистине чудная повесть о сем авве Георгии. Однажды в Великую Субботу ему пришло желание праздновать Пасху в Иерусалиме и приобщиться Святых Таин в храме Святого Воскресения Христова. Целый день старец занят был этою мыслию и молился. В Светлый же день Пасхи он, силою Всемогущего Бога, был восхищен, поставлен в Иерусалимской церкви Воскресения и рукою блаженного патриарха Петра принял вместе с его пресвитерами дары Святого Причащения. Когда синкелл, по повелению патриарха, пригласил сего игумена Синайского вкусить пищи вместе со святителем, авва Георгий отвечивший: «Волья Господня да будет!» Но, поклонившись Святому Гробу, стал невидим в Иерусалимском храме и увидел себя в своей келии. Патриарх, опечалившись, послал писание к старцу, на которое сей отвечал описанием чуда, совершившегося над ним, и предсказанием, что оба они по прошествии шести месяцев соединятся и узрят друг друга в Небесном Царствии. Возвратившиеся к патриарху сказывали, что старец уже семьдесят лет не исходил из Синайской обители; а между тем все епископы и клирики, видевшие его в церкви Воскресения Христова, свидетельствовали и говорили: «Мы все целовали его». По прошествии шести месяцев исполнилось предсказание аввы Георгия: и он, и блаженный патриарх Петр отошли ко Господу.

Послание

святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы

Вышеестественному и равноангельному отцу отцов и превосходнейшему учителю грешный раифский игумен желает радоваться о Господе.

Зная прежде всего беспрекословное твое о Господе послушание, украшенное, впрочем, и всеми добродетелями, и в особенности там, где надлежит умножить данный тебе от Бога талант, мы, убогие, употребляем поистине убогое и недостаточное слово, припоминая сказанное в Писании: *спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор. 32, 7). И потому, припадая к тебе как к общему всех отцу и старшему в подвижничестве, сильнейшему в быстроумии и превосходнейшему учителю, этим писанием нашим молим тебя, о глава добродетелей, преподай нам невежественным то, что ты видел в боговидении, как древний Моисей и на той же горе; и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях, в назидание новых израильтян, т. е. людей, новоисшедших из мысленного Египта и из моря житейского. И так как ты в оном море вместо жезла богоглаголивим языком твоим при содействии Божи-

ем чудодействовал, то и ныне, не презирая нашего прошения, благоволи о Господе для спасения нашего благорассудительно и неленостно начертать законы, свойственные и приличные монашескому житию, будучи поистине великим наставником всех начавших такое ангельское жительство. Не подумай, будто слова наши происходят от лести или ласкательства: тебе, о священная глава, известно, что мы чужды таких действий, но в чем все уверены, что, вне всякого сомнения, видимо всеми и о чем все свидетельствуют, что и мы повторяем. Итак, надеемся о Господе скоро получить и облобызать ожидаемые нами драгоценные, на скрижалях оных начертания, которые могут служить непогрешительным наставлением для истинных последователей Христовых и, как лестница, утвержденная даже до небесных врат (см. Быт. 28, 12), возводить произволяющих, чтобы они безвредно, безбедственно и невозбранно проходили полчища духов злобы, миродержителей тьмы и князей воздушных. Ибо если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел на лестнице такое страшное видение, то тем более предводитель словесных агнцев не только видением, но и делом, и истиной¹¹ может показать всем непогрешительный восход к Богу. Здравствуй, о Господе, честнейший отче!

---

¹¹ Т. е. не только представлением образной лестницы оной в видении, но и самых добродетелей, степенями ее изображаемых, опытным и истинным описанием.

Ответ

Иоанн Иоанну желает радоваться

Получил я воистину достойное высокого и бесстрастного жития твоего и чистого и смиренного твоего сердца, посланное тобой к нам, нищим и убогим в добродетелях, честное твое писание или, лучше сказать, заповедь и повеление, превосходящее нашу крепость. Так, это поистине тебе и твоей священной душе свойственно просить поучительного слова и наставления у нас, необученных и невежественных делом и словом, ибо она привыкла всегда показывать нам в себе образец смиренномудрия. Впрочем, скажу и я теперь, что если бы мы не боялись впасть в великую беду отвержением от себя святого ига послушания, матери всех добродетелей, то и не дерзнули бы безрассудно на предприятие, превосходящее нашу силу.

Тебе, дивный отче, следовало бы, спрашивая о таких предметах, научиться от мужей, хорошо познавших это, ибо мы находимся еще в разряде учащихся. Но как богоносные отцы наши и тайноучители истинного познания определяют, что послушание есть несомненная покорность повелевающим и в тех делах, которые превышают нашу силу, то мы, благочестно презрев нашу немощь, смиренно покусились на труд, превосходящий нашу меру; хотя и не думаем принести тебе какую-нибудь пользу или объяснить нечто такое, что и

ты, священная глава, знаешь не меньше нас. Ибо не только я уверен, но и всякий, думаю, из здравомыслящих знает, что око ума твоего чисто от всякого земного и мрачного возмущения мрачных страстей и невозбранно взирает на Божественный свет и озаряется им. Но, боясь смерти, рождающейся от преслушания, и как бы движимый этой боязнью на послушание, приступил я к исполнению всечестного повеления твоего со страхом и любовью, как искренний послушник и непотребный раб превосходнейшего живописца, и при скудном моем знании и недостаточном выражении, одним только чернилом, однообразно начертав живые слова, предоставляю тебе, начальник учителей и чиновачальник, все это украсить, уяснить и как исполнителю скрижалей и закона духовного недостаточное восполнить. И не к тебе посылаю сей труд, нет, это было бы знаком крайнего неразумия, ибо ты силен о Господе не только иных, но и нас самих утверждать в божественных нравах и учениях, но к богозванной дружине братьев, которые вместе с нами учатся у тебя, о избранный учитель! К ним-то через тебя начинаю сие слово. Их и твоими молитвами, как бы некими водами надежды будучи подъемлем, при всей тяжести невежества простираю вертило трости и со всяким молением предаю кормило слова нашего в руки доброму нашему сокормчому. Притом прошу всех читающих: если кто здесь усмотрит нечто полезное, то плод всего такого, как благоразумный, да приписывает великому наставнику нашему, а нам да просит воздаяния у Бога

за сей слабый труд, не на бедность сочинения (поистине всякой неопытности исполненного) взирая, но принимая намерение приносящего, как вдовичье приношение (см. Мк. 12, 41–44; Лк. 21, 1–4), ибо Бог воздает награду не множеству даров и трудов, но множеству усердия.

**Подвижнические
слова аввы Иоанна,
*игумена монахов Синайской горы,
посланные им к авве Иоанну,
игумену Раифскому, который
побудил его к этому сочинению***

**Ступень¹² первая. Об
отречении от жития мирского**

1. Из всех созданных благим и преблагим и всеблагим Богом нашим и Царем (ибо слово к рабам Божиим прилично и начать от Бога), разумных и достоинством самовластия почетных существ, одни – други Его, другие – истинные рабы, иные – рабы непотребные, иные совсем чужды Его, а другие, наконец, хотя и немощны, однако противятся Ему. И други Его, о священный отче, как мы, скудоумные, полагаем, – собственно умные и бестелесные существа, Его окру-

---

¹² Преподобный Иоанн полагает 30 ступеней по лестнице духовного восхождения – 30 наставлений, руководящих человека к высшей степени совершенства – небесной славе.

жающие. Истинные рабы Его – все те, которые не леностно и неослабно исполняют волю Его, и непотребные – те, которые хотя и удостоились крещения, но обетов, данных при оном, не сохранили как должно. Под именем чуждых Бога и врагов Его следует разуметь неверных или зловерных (еретиков), а противники Богу – те, которые не только повеления Господни сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются против исполняющих оное.

2. Каждое из сказанных состояний требует особенного и приличного слова, но для нас, невежд, в настоящем случае бесполезно излагать это пространно. Итак, поспешим теперь исполнить повеление истинных рабов Божиих, которые благочестиво нас понудили и верой своей убедили; в несомненном¹³ послушании прострем недостойную нашу руку и, приняв трость слова от их же разума, омочим в темновидное, но светящееся смиренномудрие и на их гладких и чистых сердцах, как на некоторой бумаге или, лучше сказать, на духовных скрижалях, станем живописать Божественные слова или, вернее, Божественные семена, и начнем так:

3. Всех одаренных свободной волей Бог есть и жизнь, и спасение всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных, монахов и мирских, мудрых и простых, здравых и немощных, юных и престарелых, так как все без изъятия пользуются изливанием света, сиянием солнца и переменами

---

¹³ В непрекословном.

воздуха, *ибо нет лицепрятия у Бога* (Рим. 2, 11).

4. Нечестивый – это разумное и смертное создание, произвольно удаляющееся от жизни оной (Бога) и о Творце своем присносушем помышляющее как о несуществующем. Законопреступник есть тот, кто закон Божий содержит по своему злоумию и думает веру в Бога совместить с противной ересью.

Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу. Боголюбец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и, по силе своей, старается делать добро. Воздержник – тот, кто посреди искушений, сетей и молвы всей силой ревнует подражать нравам свободного от всего такого. Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и брренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных. Монах есть тот, кто держится одних только Божиих словес и заповедей во всяком времени и месте и деле. Монах – это всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просвещенный. Монах есть тот, кто, скорбя и болезнуя душой, всегда памятует и размышляет о смерти и во сне, и в бдении. Отречение от мира – это произвольная ненависть к веществу, похваляемому мирскими, и отвержение естества для получения тех благ, которые превыше естества.

5. Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сде-

лали это или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из этих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения.

6. Исшедший из мира для того, чтобы избавиться от бремени грехов своих, пусть подражает тем, которые сидят над гробами вне города, и пусть не престаёт изливать теплые и горячие слезы, и пусть не прерывает безгласных рыданий сердца до тех пор, пока и он не увидит Иисуса, пришедшего и отвалившего от сердца камень ожесточения, и ум наш, как Лазаря, от уз греховных разрешившего, и повелевшего слугам Своим, Ангелам: *развяжите его* от страстей и *пусть идет* (Ин. 11, 44) к блаженному бесстрастию. Если же не так, то (от удаления из мира) не будет ему никакой пользы.

7. Когда хотим выйти из Египта и бежать от фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, т. е. ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя¹⁴, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе, ибо исшедшие из Египта имели наставником Моисея, а избежавшие из Содома – Ангела. И одни из них, т. е. исшедшие из Египта, подобны тем, которые с помощью врачей исцеля-

---

¹⁴ У Паисия Величковского: «самех себе предательствующии».

ют душевные страсти, а другие подобны желающим совлечься нечистоты окаянного тела; потому они и требуют помощника – Ангела, т. е. равноангельного мужа, ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный.

8. Покусившимся с телом взойти на небо поистине потребны крайнее понуждение и непрестанные скорби, особенно в самом начале отречения, доколе сластолюбивый наш нрав и бесчувственное сердце истинным плачем не претворятся в боголюбие и чистоту. Ибо труд, поистине труд и большая сокровенная горесть неизбежны в этом подвиге, особенно для нерадивых, доколе ум наш, этот яростный и сластолюбивый пес, через простоту, глубокое безгневие и прилежание не сделается целомудренным и люборассмотрительным. Впрочем, будем благодушны, страстные и изнемогающие; немощь нашу и душевное бессилие несомненной верой, как десной рукой, представляя и исповедуя Христу, непременно получим помощь Его даже сверх нашего достоинства, если только всегда будем низводить себя в глубину смиренного мудрия.

9. Всем, приступающим к этому доброму подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли свергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь. Поэтому каждый пусть искушает себя и потом уже от хлеба иноческого жития, который с горьким зельем, да ест и от чаши той, которая со слезами, да пьет: да не в суд себе воинствует. Если не всякий, кто кре-

стился, спасется, то... умолчу о последующем.

10. Приходящие к такому подвигу должны от всего отречься, все презреть, всему посмеяться, все отвергнуть, чтобы положить им твердое основание. Благое же основание, трехсоставное или трехстолпное, составляют незлобие, пост и целомудрие. Все младенцы во Христе пусть начинают с этих добродетелей, принимая в пример чувственных младенцев, у которых никогда ничего нет злобного, ничего льстивого. Нет у них ни алчности неутолимой, ни ненасытного чрева, ни телесного разжжения; оно появляется уже впоследствии, с возрастом, и может быть по умножении пищи.

11. Поистине достойно ненависти и бедственно, когда борющийся при самом вступлении в борьбу ослабевает, показывая этим верный признак близкого своего побеждения. От твердого начала, без сомнения, будет нам польза, если бы мы впоследствии и ослабели, ибо душа, бывшая прежде мужественной и ослабев, воспоминанием прежней ревности, как острым орудием, бывает возбуждаема, потому некоторые многократно воздвигали себя таким образом (от расслабления).

12. Когда душа, предавая сама себя, погубит блаженную и вожденную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась, и на эту причину пусть обратит весь свой труд и все прилежание, ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возвратить, как теми же дверями, которыми

она вышла, 13. Отрекшийся от мира из страха подобен филиаму, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом. Оставивший мир ради воздаяния подобен мельничному жернову, который всегда одинаково движется, а исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает *огонь*, который, будучи ввержен в вещество, вскоре возжжет сильный пожар.

14. Некоторые кладут в строение кирпич поверх камня, другие утвердили столбы на земле, а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрев жилы и члены, потом шли быстрее. Разумеющий да разумеет, что означает это гадательное слово¹⁵.

---

¹⁵ По изъяснению преподобного Иоанна Раифского и Илии Критского, святой Иоанн Лествичник говорит здесь об отрекающихся от мира. Возводящие на камне кирпичное здание означают тех, которые, отрекшись от мира, вступают в общежитие и полагают начало с великих внешних добродетелей, но без повинования духовному отцу и отсечения пред ним своей воли; и потому, не искусившись в смиренных подвигах послушания и не имея помощи от наставника, который бы обучал их бороться со страстями и соразмерно наставлял на добрые дела, понемногу охлаждаются в усердии и, ослабевая, предаются некоторому нерадению, изменяя хорошо начатое строение на более униженное и слабейшее. Утверждающие столбы на земле суть те, которые, отрекшись от мира, тотчас удаляются на безмолвное житие, не положив в общежитии основания для отшельничества через подвиги послушания, смирения и умерщвления страстей; и потому скоро падают и неудобно встают. Те же, которые, пройдя часть пути и разогрев члены, шли потом быстрее, означают вступивших на поприще иночества, которые поручают себя руководству доброго наставника, идут чуждым гордости путем отсечения своей воли и, положив начало трудами послушания и смирения и искусившись в бранях, укрепляются, возгораются теплотою благоговения, и благодатию Божиею становятся неумимы и непобедимы, и без преткновения свято

15. Как позванные Богом и Царем усердно устремимся в путь, дабы нам, маловременным на земле, в день смерти не явиться бесплодными и не погибнуть от голода. Богоугодим Господу, как воины угождают Царю, ибо, вступив в это звание, мы подлежим строгому ответу о служении. Убоимся Господа хотя бы так, как боимся зверей, ибо я видел людей, шедших красть, которые Бога не убоились, а, услышав там лай собак, тотчас возвратились назад, и чего не сделал страх Божий, то смог сделать страх зверей. Возлюбим Господа хотя бы так, как любим и почитаем друзей, ибо я много раз видел людей, прогневавших Бога и нисколько о том не заботившихся, но те же самые, какой-нибудь малостью огорчив своих друзей, употребляли все искусство, выдумывали всякие способы, всячески изъясляли им свою скорбь и свое раскаяние и лично, и через иных, друзей и родственников, приносили извинения и посылали оскорбленным подарки, чтобы только возвратить их прежнюю любовь.

16. В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестью исполняем добродетели, но, преуспев, перестаем ощущать в них скорбь или ощущаем, но мало, а когда наше плотское мудрование будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякой радостью и ревностью, с вожделением и Божественным пламенем.

17. Насколько похвальны те, которые с самого начала со

всей радостью и усердием совершают заповеди, настолько достойны жалости те, которые, долго пребывая в иноческом обучении, еще с трудом совершают, хотя и совершают, подвиги добродетелей.

18. Не будем презирать или осуждать и такие отречения, которые бывают по обстоятельствам, ибо я видел бывших в бегстве, которые, нечаянно встретившись с царем, против своего желания пошли вслед его и, войдя с ним в чертог, воссели вместе с ним за трапезу. Видел я, что семя, нечаянно упавшее на землю, принесло изобильный и прекрасный плод; как и противное тому случается. Опять видел я человека, который пришел во врачевницу не за тем, чтобы лечиться, а по некоторой другой потребности, но, привлеченный и удержанный ласковым приемом врача, он освободился от мрака, лежавшего на его очах. Таким образом и невольное в некоторых было тверже и надежнее, чем произвольное в других.

19. Никто не должен, выставляя тяжесть и множество грехов своих, называть себя недостойным монашеского обета и ради своего сладострастия мнимо унижать себя, вымышляя извинения в грехах своих (ср. Пс. 140, 4), ибо где много гнилости, там нужно и сильное врачевание, которое очистило бы скверну, а здоровые не поступают в больницу.

20. Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение перед лицом своим, то мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но, оставив все, усердно поспе-

шили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих и Господь господствующих и Бог богов зовет нас к такому небесному чину, не отказываться по лености и малодушию и на великом Суде Его не явиться безответными. Может ходить и тот, кто связан узами житейских дел и попечений, но неудобно, ибо часто и те ходят, у которых железные оковы на ногах, но они много претыкаются и получают от этого язвы. Человек неженатый, а только делами связанный в мире, подобен имеющему оковы на одних руках, а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках и на ногах.

21. Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: «Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать монашескому житию?» Я отвечал им: «Все доброе, что только можете делать, делайте; никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части¹⁶ и будьте довольны оброки жен ваших. Если так будете поступать, то недалеко будете от Царствия Небесного».

22. С радостью и страхом приступим к этому доброму подвигу, не будем бояться врагов наших, ибо они взирают на лицо нашей души, хотя сами и невидимы; и когда заметят,

---

¹⁶ В старом переводе: «не прикасайтесь к чужому ложу».

что оно изменилось от боязни, тогда те коварные яростнее вооружаются против нас, зная, что мы устрашились. Итак, вооружимся против них благодушно, ибо с мужественным борцом никто бороться не смеет.

23. Господь, по особенному промыслу Своему, облегчил брани для новоначальных, чтобы они при самом начале не возвратились тотчас же в мир. Итак, радуйтесь всегда о Господе, все рабы Божии, видя в этом первый знак любви Господней к вам и что Он Сам вас призвал. Впрочем, знаем, что Бог часто и другим образом поступает, т. е. когда Он видит мужественные души, то с самого начала попускает на них брани, желая их скоро увенчать. Но от живущих в мире Господь утаил неудобство или, лучше сказать, удобство сего поприща, ибо если бы они это знали, то никто не отрекался бы от мира.

24. Усердно приноси Христу труды юности твоей и возрадуешься о богатстве бесстрастия в старости, ибо собираемое в юности питает и утешает изнемогших в старости. Юные! Потрудимся ревностно, потечем трезвенно, ибо смерть неизвестна. Мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, держащих огонь в руках и желающих сжечь храм Божий тем самым пламенем, который в нем¹⁷, врагов сильных и никогда не спящих, невещественных и невидимых. Итак, никто из юных не должен слушать враждебных бесов, когда они внушают ему, говоря: «Не изнурай своего тела,

---

¹⁷ Т. е. пламенем собственных его страстей.

чтобы не впасть в болезнь и немощи». Ибо едва ли найдется кто-нибудь, особенно в настоящем роде, решившийся умертвить свое тело, хотя иной и лишает себя многих и сладких яств; намерение же бесов в этом случае состоит в том, чтобы и само вступление наше в подвиг сделать слабым и нерадивым, а потом и конец сообразным началу.

25. Желаящие истинно служить Христу прежде всего пусть приложат старание, чтобы при помощи духовных отцов и собственным рассуждением избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения, ибо не для всех полезно общежитие по причине сластолюбия и не все способны к безмолвию по причине гнева¹⁸, но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам.

26. Все житие монашеское содержится в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве, или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, с двумя, или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии. *Не уклоняйся*, – говорит Екклесиаст, – *ни направо, ни налево* (Притч. 4, 27), но путем

---

¹⁸ «Один монах, – пишет Руфин, – часто ощущая в себе движение гнева в монастыре, решил идти в пустыню, чтобы, когда не с кем ему будет поспорить, сия страсть оставила его в покое. Но, когда он удалился в пещеру, случилось, что кружка, которую он наполнял водою и ставил на землю, три раза сряду опрокидывалась и разливалась. Это его раздражило, он разбил кружку и, придя в себя, сказал: «Бес гнева обманул меня, вот я один, а сия страсть не перестает побеждать меня. Когда же для того, чтобы сделаться победителем ее, потребно везде вести войну против нее и терпеть, а прежде всего необходима помощь Божией благодати, то ныне же возвращаюсь в монастырь!»

царским иди. Средний из этих образов жизни многим приличен, ибо тот же Екклесиаст говорит: горе одному, ибо если он упадет в уныние, или в сонливость, или в леность, или в отчаяние, то нет человека который поднял бы его (ср. Еккл. 4,10). *А где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*, – сказал Господь (Мф. 18, 20).

27. Итак, кто есть инок верный и мудрый? Кто горячность свою сохранил неугасимой и даже до конца жизни своей не переставал всякий день прилагать огонь к огню, горячность к горячности, усердие к усердию и желание к желанию.

Первая ступень. Вступивший на нее, не обращайся вспять.

Степень вторая. О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире

1. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из этой жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях – словом, ни о чем земном, но, отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же, и прежде всего, возненавидев самую плоть свою, наг и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову святого, сказавшего: *прильнула душа моя к Тебе* (Пс. 62, 9), и по изречению иного приснопамятного: я не спешил быть пастырем у Тебя, и дня, или покоя человека не желал, Господи (ср. Иер. 17, 16).

2. Великий стыд нам, оставившим все вышеозначенное после призвания, которым Господь, а не человек, нас позвал, заботиться о чем-нибудь таком, что не может принести нам пользы во время великой нашей нужды, то есть во время исхода души. Это и значит, как Господь сказал, обратиться

вспять и не быть направленным в Царствие Небесное. Господь наш, зная удобопоползновенность нашу в новоначалии и что мы, живя и обращаясь с мирскими, легко можем опять возвратиться в мир, сказавшему: *позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего*, – говорит: *предоставь мертвым погребать своих мертвецов* (Лк. 9, 59–60).

3. Бесы по отречении нашем от мира внушают нам убожать милостивых и сострадательных из мирян, а себя оказывать как лишивших себя таковых добродетелей. Намерение же этих врагов наших то, чтобы через ложное смирение или в мир возвратить нас, или, если останемся в монашестве, низринуть нас в отчаяние. Иное дело – по высокомерию своему уничижать живущих в мире, а иное – в удалении от них оуждать их с тем, чтобы избежать отчаяния и стяжать надежду спасения.

4. Итак, услышим, что Господь сказал одному юноше, по видимому, исполнившему все заповеди: одного недостает тебе – продать имение и раздать нищим (см. Лк. 18, 22) и самого себя сделать нищим, приемлющим милостыню от других.

5. Все, желающие с пламенным усердием проходить подвиг (иночества), рассмотрим внимательно, как Господь всех пребывающих в мире и живых назвал мертвыми, сказав некоему: оставь мертвым, т. е. мирянам, умершим в суете мирской, погребать мертвых телом (см. Лк. 9, 60). Богатство нисколько не препятствовало одному юноше приступить ко крещению. Поэтому напрасно некоторые думают, что Гос-

подъ ради крещения повелевал ему продать богатство. Этого свидетельства Христова пусть будет довольно для совершенного уверения нас в величайшей славе монашеского звания.

6. Должно исследовать, почему живущие в мире и пребывающие в бдениях, в постах и злостраданиях, когда, по удалении из мира, приступают к монашескому житию как к месту испытания и подвижническому поприщу, не проходят уже прежнего своего подвига, ложного и притворного. Видал я весьма многие и различные растения добродетелей, насаждаемые мирскими людьми и как бы от подземного стока нечистоты напоаемые тщеславием, окапываемые самохвальством и утучняемые навозом похвал, но они скоро засохли, когда были пересажены на пустую землю, недоступную для мирских людей и не имеющую смрадной влаги тщеславия, ибо любящие влагу растения не могут приносить плода в сухих и безводных местах.

7. Если кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее, ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всем нужно нам иметь великое трезвение, но прежде прочего должно в этом отношении наиболее быть разумно внимательными. Я видал многих в мире, которые через попечения, заботы, занятия и телесные бдения избегали неистовства своего тела, но, вступив в монашество и обеспеченные здесь по всему, жалким образом оскверня-

лись от плотского движения¹⁹.

8. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всеобщим стоянием, умеренным питьем воды, скудостью хлеба, очистительным питьем бесчестия, принятием укоризн, осмеяний, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений; когда будешь обижен – терпеть мужественно, когда на тебя клеветают – не негодовать; когда уничают – не гневаться, когда осуждают – смиряться. Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, *ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3-12).

9. Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое – отречение от всех вещей и человеков и родителей. Второе – отречение своей воли, а третье – отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. *Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому* (2 Кор. 6, 17). Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? Никто. Все это – победные почести иноков, и мир не может вместить оных, если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?

10. Когда бесы по отречении нашем начнут распалать на-

---

¹⁹ Потому что не имели приличного труда и должного охранения.

ше сердце воспоминанием о родителях и сродниках наших, тогда вооружимся против них молитвой и воспламеним себя памятью о вечном огне, чтобы воспоминанием об оном угасить безвременный огонь нашего сердца.

11. Если кто думает, что не имеет пристрастия к какой-нибудь вещи, а, лишившись ее, печалится сердцем, тот вполне прельщает самого себя.

12. Юные, расположенные к плотской любви и чревоугождению, если захотят вступить в монашество, должны обучать себя в нем со всяким трезвением и вниманием и понуждать себя удаляться от всякого наслаждения и лукавства, чтобы *последнее* не было для них хуже первого (см. Мф. 12, 45; Лк. 11, 26; 2 Пет. 2, 20). Это пристанище бывает причиной и спасения, и бед, – это знают преплывающие сие мысленное море. Но жалкое зрелище, когда спасшиеся в пучине претерпевают потопление в самом пристанище.

Ступень вторая. Текущий да бежит, подражая Лоту, а не жене его.

Ступень третья. О странничестве, то есть уклонении от мира

1. Странничество – это невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество – это не дерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, необнаруживаемый помысл, хотение уничтожения, желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчания глубины.

2. Вначале обыкновенно, как бы огнем Божественным, сильно и продолжительно беспокоит любителей Господних помысл об удалении от своих, желанием худости и тесноты побуждающий к оному любителей такового добра. Но сколь велик и достохвален этот подвиг, столь великого и рассуждения требует, ибо не всякое странничество, предпринимаемое в крайней степени, есть добро²⁰.

3. Если всякий пророк без чести в своем отечестве, как сказал Господь (см. Мф. 13, 57; Мк. 6, 4), то должно остерегаться, чтобы уклонение от мира не было нам поводом к тщеславию. Ибо странничество – это отлучение от всего с

---

²⁰ Или потому, что предпринимается самонадеянно и дерзновенно, или потому, что выше сил и возможности.

тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучной с Богом. Странник – это любитель и делатель непрестанного плача. Странник – тот, кто избегает всякой привязанности как к родным, так и к чужим.

4. Поспешая к уединенной жизни или странничеству, не дожидайся миролюбивых душ, ибо тать²¹ приходит нечаянно. Многие, покусившись спасти вместе с собой нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощувив пламень, беги, ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу, ибо божественный апостол говорит: *итак каждый из нас, братие, за себя даст отчет Богу. И опять: как же ты, уча другого, не учишь себя самого?* (Рим. 14, 12; 2,21). Как бы сказал: все ли должны мы печься о других, – не знаю, – о самих же себе всячески должны мы заботиться.

5. Странничествуя, остерегайся праздноскитающегося и сластолюбивого беса, ибо странничество дает ему повод искушать нас.

6. Хорошо беспристрастие, а мать его есть уклонение от мира. Устранившийся от всего ради Господа уже не должен иметь никакой связи с миром, дабы не оказалось, что он скитается для удовлетворения своим страстям.

7. Устранившись мира, не прикасайся к нему более, ибо страсти легко опять возвращаются.

---

²¹ Тать – вор, похититель.

8. Ева невольно изгоняется из рая, монах же добровольно выходит из своего отечества, ибо та снова пожелала бы вкушать от древа преслушания, а этот непременно подвергся бы беде от сродников по плоти.

9. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, избегай, как бича, ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем.

10. Да не скроется от тебя и следующая хитрость и лесть невидимых врагов: они советуют нам не отлучаться от мирских, внушая, что мы получим великую награду, если, видя женский пол, будем себя удерживать. Но должно не покоряться им в этом, а делать противное их внушению.

11. Когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем малое некоторое благоговение или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, приступив, побуждают нас опять идти в отечество якобы для назидания, и примера, и пользы многих, видевших некогда наши беззаконные дела. А если мы еще богаты даром слова и имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже как спасителям душ и учителям советуют они нам возвратиться в мир с тем, чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине. Постараемся подражать Лоту, а не жене его, ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и делается неподвижной. Беги из Египта невозвратно, ибо сердца, обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, т. е. земли бесстра-

ствия. Хотя тем, которые в начале, ради младенческой духовной оставили своих и успели совершенно очиститься, и можно с пользой возвратиться к ним в том намерении, чтобы как сами спаслись, так спасти и некоторых из ближних. Впрочем, Моисей Боговидец, и Самим Богом посланный на спасение единоплеменного рода, претерпел многие беды в Египте, т. е. помрачения в мире.

12. Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Он и создал, и спас нас, а те часто погубляли своих возлюбленных и подвергали их вечной муке.

13. Странник – тот, кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа. Мы удаляемся от близких наших или от мест не по ненависти к ним (да не будет того), но избегая вреда, который можем от них получить. Как во всех благих делах, так и в этом учителем нашим есть Сам Христос, ибо видим, что и Он многократно оставлял родителей по плоти, и когда некоторые сказали: *Мать Твоя и братья Твои... спрашивают Тебя* (Мк. 3, 32), благой наш Господь и Учитель тотчас показал бесстрастную ненависть к ним, сказав: *кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра, и мать* (Мф. 12, 50).

14. Да будет отцом твоим тот, кто может и хочет потрудиться с тобой для свержения бремени твоих грехов, а мать – умиление, которое может омыть тебя от скверны; братом – сотрудник и соревнитель в стремлении к горнему; сожительницу неразлучную стяжи – память смерти; любезны-

ми чадами твоими пусть будут сердечные вздохи; работай да будет тебе тело твое, а друзей приобретай в Небесных Силах, которые во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут твоими друзьями. *Таков род* (т. е. сродство) *ищущих Господа* (Пс. 23, 6).

15. Любовь Божия угашает любовь к родителям, а кто говорит, что он имеет ту и другую, обманывает сам себя, ибо сказано: *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24) и прочее. Не пришел, говорит Господь, принести мир на землю (см. Мф. 10, 34), т. е. мир между родителями и их сынами и братьями, желающими Мне работать, но брань и меч, чтобы боголюбивых отлучить от миролюбивых, вещественных от невещественных (плотских от духовных), славолюбивых от смиренномудрых, ибо Господь веселится о разделении и разлучении, бывающем из любви к Нему.

16. Берегись, берегись, чтобы за пристрастие к возлюбленным тобой родственникам все у тебя не явилось как бы объатым водами и чтобы ты не погиб в потоке миролюбия. Не склоняйся на слезы родителей и друзей, в противном случае будешь вечно плакать. Когда родственники окружают тебя, как пчелы или, лучше сказать, как осы, оплакивая тебя, тогда немедленно обрати душевные очи твои на смерть и на дела (твой)²², чтобы тебе можно было отразить одну скорбь другою. Сии наши, или лучше не наши, лукаво обещаются

---

²² У Паисия Величковского: «деяния». В новогреческом переводе Афанасия Критского: «на суд Божий».

сделать для нас все, что мы любим, намерение же их то, чтобы воспрепятствовать доброму нашему стремлению, а потом уже привлечь нас к своей цели.

17. Удаляясь от мира, мы должны избирать для жительства места, лишённые случаев к утешению и тщеславию и смиренные. Если же не так, то мы действуем по страсти.

18. Утаивай благородство свое и не величайся своей знатностью, чтобы не оказался ты одним на словах, а другим на деле.

19. Никто в такой мере не предавал себя странничеству, как тот великий, который услышал: *пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего* (Быт. 12, 1), и притом был призывает в иноплеменную и варварскую землю.

20. Иногда Господь много прославляет того, кто сделался странником по примеру того великого, но хотя та слава и от Бога дается, однако ее хорошо отвращать щитом смирения.

21. Когда бесы или люди будут хвалить нас за странничество как за великий подвиг, тогда помыслим о Том, Который ради нас снисшел на землю в виде странника, и найдем, что мы воздать за это во веки веков не можем.

22. Пристрастие к какому-нибудь из родственников или из посторонних весьма вредно: оно может мало-помалу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился со-

вершенно от всех своих родственников и неродственников.

23. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом, но можно в одно мгновение потерять то, что было приобретено и многим подвигом. *Худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33), мирские и непристойные. Кто по отречении от мира обращается с мирскими людьми или близ них пребывает, тот, без сомнения, или впадет в их дела и сети, или осквернит сердце помышлением о них, или, хотя не оскверняясь, но осуждая оскверняющихся, и сам с ними осквернится.

О сновидениях, бывающих новоначальным

24. Нельзя скрыть того, что понятие ума нашего весьма несовершенно и всячески исполнено неведения, потому что гортань различает снеди, слух распознает мысли; при взгляде на солнце оказывается немощь очей, а неразумие души обнаруживают слова. Но закон любви понуждает и на то простираться, что выше силы. Итак, я думаю (впрочем, не утверждаю), что после слова о странничестве и даже в самом этом слове должно сказать несколько о сновидениях, чтобы нам знать и об этом коварстве наших злохитрых врагов.

25. Сновидение – это движение ума при неподвижности тела. Мечтание – это обман очей в усыплении мысли. Мечтание есть исступление ума при бодрствовании тела. Мечтание

есть видение того, чего нет.

26. Причина, по которой мы после предшествовавшего слова решились говорить о сновидениях, очевидна. Когда мы, ради Господа, оставив свои дома и родственников, предаем себя отшельнической жизни из любви к Богу, тогда бесы стараются возмущать нас сновидениями, представляя нам сродников наших или сетующих, или за нас в заключении держимых и другие напасти терпящих. Потому кто верит снам, тот подобен человеку, который бежит за своей тенью и старается схватить ее.

27. Бесы тщеславия – пророки в снах, будучи пронырливы, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оное, чтобы мы, по исполнении этих видений, удивились и как будто уже близкие к дарованию прозрения вознеслись мыслью. Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком, а кто презирает его, перед теми всегда оказывается лжецом. Как дух он видит случившееся в воздушном пространстве, и, заметив, например, что кто-нибудь умирает, он предсказывает это легковерным через сновидение. Бесы о будущем ничего не знают по предведению, но известно, что и врачи могут нам предсказывать смерть.

28. Бесы многократно преобразуются в Ангелов света и в образ мучеников и представляют нам в сновидении, будто мы к ним приходим, а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостью и возношением. Сие да будет тебе знаком прелести, ибо Ангелы показывают нам муки, Страшный Суд

и разлучения, а пробудившихся исполняют страха и сетования. Если станем покоряться бесам в сновидениях, то и во время бодрствования они будут ругаться над нами. Кто верит снам, тот вовсе не искусен, а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр. Итак, верь только тем сновидениям, которые возвещают тебе муку и Суд, а если приводят тебя в отчаяние, то и они от бесов.

Это третья ступень, равночисленная Святой Троице. Вступивший на нее да не озирается ни направо, ни налево (Втор. 5, 32).

Степень четвертая. О блаженном и приснопамятном послушании

1. По порядку слова прилично нам предложить теперь о подвижниках и страдальцах Христовых, ибо как всякий плод предваряется цветом, так всякому послушанию предшествует уклонение от мира, телом или волей. Двумя этими добродетелями (т. е. уклонением от мира и отвержением своей воли) преподобное послушание, как златыми крылами, безленостно восходит на небо; и, может быть, об этих-то крылах некоторый духоносец воспел: *кто даст мне крылья, как у голубя, и полечу* деянием, *и успокоюсь* (Пс. 54, 7) в видении и смирении.

2. Не преминем, если угодно, изъяснить в этом слове и сам образ воинствования этих мужественных ратников: как они держат щит веры к Богу и своему наставнику, отвращая им, так сказать, всякий помысл неверия и переходение (в другое место); и, всегда вознося меч духовный, убивают им всякую собственную волю, приближающуюся к ним, и, будучи одеты в железную броню кротости и терпения, отражают ею всякое оскорбление, уязвление и всякие стрелы. Имеют они и шлем спасения – молитвенный покров своего наставника, ногами же своими не стоят совокупленно, но одну простирают на служение, а другую имеют неподвижно на молитве.

3. Послушание – это совершенное отречение от своей ду-

ши, действиями телесными показываемое, или, наоборот, послушание – это умерщвление членов телесных при живом уме. Послушание – это действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание – это гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни во мнимо худом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его²³. Послушание – это отложение рассуждения и при богатстве рассуждения.

4. Начало умерщвления и душевной воли, и членов тела бывает прискорбно, середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби. Тогда в скорби и болезни сердечной бывает тот блаженный и живой мертвец, когда увидит, что исполняет свою волю, ибо страшит его бремя собственного осуждения.

5. О вы, которые решились вступить на поприще такого мысленного исповедничества, вы, которые хотите взять на выю²⁴ свою иго Христово, вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого, которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену оно получить истинную свободу, вы, которые преплываете великую

---

²³ Т. е. отец, через послушание умертвивший в нем страстную волю.

²⁴ Выя – шея.

сию пучину, будучи поддерживаемы руками других, – знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестоким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение: она называется самочинием. Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели прежде, нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.